

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ:

Петрова Н. Е., Рацибурская Л. В. Язык современных СМИ: средства речевой агрессии: Учеб. пособие. М.: Флинта; Наука, 2011. 160 с.

Истинный вкус состоит не в безотчетном отвержении такого-то слова, такого-то оборота, но в чувстве соразмерности и сообразности.

А. С. Пушкин

Рубеж XX–XXI вв. ознаменовался изменением иерархии общественных приоритетов в социальных и гуманитарных сферах. Писатель перестал быть властителем дум, язык художественной литературы – эталоном. Лингвистам приходится констатировать, что средства массовой информации выполняют сейчас «ту роль, которая всегда принадлежала у нас русской литературе»: служат образцом для массового подражания, формируют «языковые вкусы, нормы, образцы» [Химик, 2008. С. 228]. Поэтому неудивительно, что язык средств массовой информации продолжает активно изучаться.

Языку современной публицистики посвящена и новая книга Натальи Евгеньевны Петровой и Ларисы Викторовны Рацибурской – учебное пособие для студентов гуманитарных специальностей «Язык современных СМИ: Средства речевой агрессии». Авторы попытались решить «одну из насущных задач, стоящих перед журналистами и лингвистами», – задачу формирования общественного отношения к феномену речевой агрессии (С. 5).

Книга состоит из четырех глав:

- 1) «Особенности языка современных СМИ»;
- 2) «Феномен вербальной агрессии: общая характеристика»;
- 3) «Лексические средства вербальной агрессии в СМИ»;
- 4) «Дискурсивные средства вербальной агрессии».

Это классическая для научного сочинения композиция: характеристика объекта, характеристика предмета исследования, две собственно исследовательские главы. В завершение каждой главы – вопросы и задания, в полном соответствии с жанром учебного пособия.

В первой части несомненный интерес представляет обзор исследований постсоветской публицистики. Авторы противопоставляют два периода, внутренним «водоразделом» которых стал закон «О государственном языке Российской Федерации» (2005), когда период «нелитературной вакханалии» (в противовес советскому новоязу) сменился «постепенным очищением текстов СМИ от негативных следствий “свободы” речи» (С. 13). Разумеется, четкую границу тут провести невозможно, однако «смена мотива» знаменует изменение меры порядка и хаоса в языке публицистики, как и в любой открытой системе. Заметим, что сам факт выхода в свет книги, посвященной феномену речевой агрессии в языке СМИ, показывает, насколько сильна здесь энтропия. В этой же части работы проанализированы новые тенденции в развитии современной российской публицистики: демократизация, интеллектуализация, субъективизация текстов, рождение новых и гибридных жанров, повышенная креативность и т. п. Любопытно, что усиление личностного и диалогического начал не только способ самовыражения автора, но и средство воздействия на адресата.

Уточняя предмет исследования, Н. Е. Петрова и Л. В. Рацибурская определяют речевую агрессию как «специфическую форму поведения или деятельности, основным орудием которой служит язык» (С. 23). Авторы справедливо отмечают связь (но не тождество!) феномена речевой агрессии «с такими широко представленными в массмедийном дискурсе явлениями,

как враждебность, конфликт, отрицательная оценка, речевое (языковое) манипулирование» (С. 24), сопоставляют дефиниции упомянутых явлений, выявляя их универсальные и дифференциальные признаки. Подчеркнем, что речевая агрессия – междисциплинарный феномен, который может изучаться с позиций социологии, психологии, лингвистики, психолингвистики, философии. Однако если для социолога важны экспериментальные доказательства действительности агрессии, то в лингвистике мысль о воздействии языка принимается как аксиома, вытекающая *a priori* из представления о его волюнтаривной функции [ЛЭС, 1990. С. 564]. Поэтому выявление технологий в сфере речевого воздействия воспринимается как поиск панацеи от его нежелательных последствий, как защита от информационного оружия, обеспечение собственной безопасности [Борисова, 2005]. Этот подход разделяют, вероятно, и авторы рецензируемого пособия, декларируя то обстоятельство, что «к началу XXI в. в России средства массовой информации превратились в активное средство воздействия на общественное сознание» (С. 4). Непосредственная задача описания «именно языкового механизма вербальной агрессии» (С. 29) способствует формированию, как уже было отмечено, общественного отношения к этому явлению, которое, вероятно, обусловило бы косвенное влияние на язык СМИ.

Выделение двух последующих глав обусловлено авторской концепцией, предполагающей противопоставление двух основных групп языковых средств, используемых при агрессивном речевом поведении в СМИ (С. 29–30). В первую группу объединены лексические средства русского языка, выражающие негативную оценку: инвективная и стилистически сниженная, ненормативная лексика, окказиональные слова, агрессивная метафора и т. д. С помощью этих средств, как справедливо считают авторы, выражается активная, открытая речевая агрессия. Вторую группу образуют такие средства вербальной агрессии, как языковая демагогия (сознательное нарушение словесных пресуппозиций, постулатов успешного общения, использование речевых импликатур), тенденциозное использование негативной информации, интертекстуальность. Эти средства авторы назвали дискурсивными, так как они формируются в тексте-дискурсе. Дискурсивные средства используются преимущественно для не прямой, скрытой речевой агрессии. Иными словами, третья и четвертая главы исследования посвящены соответственно описанию средств выражения эксплицитной и имплицитной речевой агрессии. Думается, что эта оппозиция в большей степени закономерна, чем не вполне бинарное авторское противопоставление лексических и дискурсивных средств. Впрочем, они могут быть оппозиционны с учетом представления о «ярусности» языка: лексические средства связываются тогда с уровнем слова, дискурсивные – с уровнем текста.

Ценность настоящего исследования в том, что обвинения СМИ в агрессивности не голословны: исследовательские главы насыщены яркими примерами из различных периодических изданий и тонкими авторскими комментариями к ним. Авторам удается избежать излишнего пафоса и дидактизма, прямые оценки типа «агрессивность и демагогичность – это плохие качества речи» (С. 124) крайне редки. В качестве достоинств следует отметить блистательный филологический анализ и единство стиля, которого удалось добиться Н. Е. Петровой и Л. В. Рацибурской: читая, порой забываешь, что книга написана двумя авторами.

Обращает на себя внимание раздел, посвященный словообразовательным неологизмам (С. 64–87), в котором представлена разнообразная палитра средств выражения негативной оценки: «петросяница», бартеризация, «ель-цинизм», альфонсоемкий, халывотерапия, турдом и т. п.

Явление «аббревиатуризации» личных имен в газетной речи отмечено в связи с иронией как дискурсивным средством вербальной агрессии (С. 132–136). Авторы замечают, что «структура и способ графического оформления собственного имени лица и не-лица перестают различаться, особенно при тенденции к бесточечному написанию антропонимов (ср.: ЧВС, МЧС, ПЖ, АБ, ВВЖ, СТС и т. д.)» (С. 136), и это ведет к понижению статуса лица в газетном дискурсе.

Интересны наблюдения над использованием речевых импликатур (С. 114–124). «Эзопов язык» считается индикатором несвободы журналиста. Однако авторы учебного пособия показывают, что «импликатура, или логический эллипсис, нередко используется как средство эмоционального давления на читателя» (С. 115).

Книга пробуждает мысль и вызывает множество вопросов. К средствам речевой агрессии «на равных» отнесено, например, использование как инвективной и стилистически сниженной лексики, так и иноязычных слов. Между тем проявление вербальной агрессии в этих случаях обусловлено разнонаправленными тенденциями – к демократизации и к интеллектуализации, которые, в свою очередь, порождают противоположные стратегии – близости и дистанции. Одинакова ли в этих случаях степень агрессивности? Наверняка по отношению к себе многие из нас предпочли бы равнодушие унижению (эмбарго – войне!). Вероятно, было бы целесообразно вести описание каждой группы средств выражения вербальной агрессии с учетом этих стратегий.

Всегда ли агрессивна изоляция? Во всех ли случаях «кто не с нами, тот против нас»? При «широком» понимании речевой агрессии получается, что мы вообще находимся в крайне агрессивной среде всюду, где существуют попытки языкового обособления. Агрессивным следует признать тогда язык науки, где перегруженность терминами легко создает непробиваемую стену между автором и неподготовленным читателем. Деловая риторика часто направлена на то, чтобы деморализовать читателя и выстроить четкую вертикаль. Это язык власти. Получается, что территория, свободная от манипулятивных воздействий и речевой агрессии, лишь крохотный островок разговорной неофициальной речи с действительно близкими людьми.

Как фактор агрессивности текста Н. Е. Петрова и Л. В. Рацибурская рассматривают явление интертекстуальности, которое обыкновенно трактуется, скорее, как «вербовка союзников» (чтобы узнавали свои и не узнавали чужие). В чем тут агрессивность? Следуя логике авторов, можно выделить несколько ее проявлений. Во-первых, интертекстуальный текст может служить средством выражения негативной оценки (С. 144). Во-вторых, «для “иронизации” текста журналистами эксплуатируется более примитивная часть прецедентных текстов, связанная с массовой культурой, рекламой, бытовым общением» (С. 146). Наконец, некоторые трансформации, по мнению авторов, граничат с цинизмом. В качестве примеров приведены следующие интертекстуальные фрагменты (очевидно, заголовочные комплексы): *Бедность – порок; Хлебом единым; И в деньгах счастье*. Такое «балагурство» вольно или невольно «разрушает те нравственные понятия, которые составляют основу традиционного русского менталитета» (С. 147). Как видим, аргументы приведены по принципу восходящей градации. Дело, однако, не в самом факте использования приема интертекстуальности, а в качестве журналистского текста, в чувстве «соразмерности и сообразности» (см. эпиграф). Широкое же тиражирование приема косвенной цитации в языке СМИ свидетельствует о внедрении элементов креативного мышления, считавшейся принадлежностью художественного дискурса, в общенародный язык (и в общественное сознание!) и демонстрирует движение от элитарности к массовости. Однако, возникнув как противодействие стандарту, этот прием на наших глазах становится новым шаблоном.

Может ли, наконец, журналист вообще обойтись без агрессии в условиях агональной [Шатин, 2004] (соревновательной, состязательной) коммуникации? Может ли агональная коммуникация быть неагрессивной?

Авторы используют богатый иллюстративный материал центральных и региональных (нижегородских) СМИ. Однако весь он предстает как единый текстовый массив, без какой бы то ни было дифференциации. Между тем в орбиту исследовательского внимания попали такие принципиально разные типы изданий, как «Литературная газета» и «Жизнь» (а также «Известия», «Комсомольская правда», «Русский вестник», «Русский репортер», «Новая газета», «Аргументы и факты», «Собеседник», «Телесемь», «Завтра» и др.). С одной стороны, подобное отношение к материалу позволяет продемонстрировать универсальность и масштабность феномена речевой агрессии. С другой – крайне перспективен сопоставительный анализ средств речевой агрессии в зависимости от типа издания. Представляется, что в так называемой «качественной» и «желтой» прессе должны быть задействованы разные механизмы вербальной агрессии.

Еще одна линия перспективы связана, на наш взгляд, с выявлением агрессивного потенциала грамматики, который, вероятно, ниже в сравнении с возможностями лексики. Однако если манипулятивное использование грамматических средств отмечено лингвистами (разный уровень ответственности говорящего в номинативных и глагольных высказываниях [Серио,

2002], функционирование местоимения *мы* в манипулятивной коммуникации [Гранева, 2010]), то вопрос о грамматических средствах вербальной агрессии остается открытым.

Обилие вопросов, вызванных книгой Н. Е. Петровой и Л. В. Рацибурской, показывает, что цель ее авторов достигнута. В ней есть, что обсуждать. Какова функция журналистики: культурно-просветительская или рекламно-информационная? Что может и чего не может себе позволить журналист? Какова его миссия – воспитывать или угождать? Вести за собой или идти следом? Что важнее – самовыражение или формирование определенной точки зрения? Читатель, таким образом, задумывается прежде всего над вопросом свободы и ответственности журналиста.

Список литературы

Борисова Е. Г. Алгоритмы воздействия: Учеб. пособие. М.: Междунар. ин-т рекламы, ЛО «Московия», 2005. 140 с.

Гранева И. Ю. Местоимение «мы» как средство идеологических манипуляций в русской языковой картине мира // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. 2010. № 4, ч. 2. С. 494–496.

ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. 685 с.

Серио П. Русский язык и советский политический дискурс: анализ номинализаций // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса / Общ. ред. П. Серио. М.: Прогресс, 2002. С. 337–383.

Химик В. В. Русский язык и национальная идея // Активные процессы в современном русском языке: Сб. науч. тр. Ниж. Новгород: Издатель Ю. А. Николаев, 2008. С. 224–231.

Шатин Ю. В. Технология агональной коммуникации: Учеб. пособие / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2004. 73 с.

И. В. Высоцкая

доктор филологических наук
профессор кафедры семиотики и дискурсного анализа
Новосибирского государственного университета